

Цыганкин Дмитрий Васильевич

Путь звукометриста по траншеям смерти

Я родился 22 октября 1925 года в селе Мокшалай Мокшалайской волости Саранского уезда Пензенской губернии. По национальности – эрзя. Атеист. Раньше состоял в КПСС, сейчас – беспартийный.

В 1940 году окончил семь классов Мокшалайской неполной средней школы и поступил учиться в Большемаресьевскую среднюю школу.

Было июньское утро 1941 года. Мой отец Василий Потапович сказал мне: «Митя, запрягай лошадь и вези два мешка зерна в Пингелей». Там находилась водяная мельница. Я на лошади добрался до мельницы, перемолол зерно (1 мешок ржи и 1 мешок пшеницы) и, с чувством выполненного долга перед отцом, около 16 часов возвратился в село. Подъезжая к дому, увидел мать: «Митя! Война».

Первое ощущение молодого парня в возрасте 15 лет, что это ненадолго, в мое сознание со школьных лет было заложено представление, что Красная Армия непобедима.

Прошел день, за ним второй. Из нашего села один за другим уходили на войну по призыву военкомата мужчины до 45 лет. В эти же дни военкомат для нужд фронта забрал несколько хороших лошадей и единственную машину – полупортку, которую в этом году колхоз получил в качестве награды за достижения в сельхозпроизводстве.

К 1941 году жители нашего села, пройдя испытание голодом и завершив борьбу с религиозными предрассудками, психологически и хозяйственно успокоились, сельская жизнь наладилась, колхозники стали получать за свои трудодни необходимое количества зерна (ржи, пшеницы, проса, ячменя и т.д.). Рождаемость в селе в эти предвоенные годы, и особенно в 1941 году, была очень высокая, у многих жителей было от 3 до 10 детей. Поэтому в школе во втором классе мокшалайской школы было 4 группы в каждой по 30 учеников.

В начале 1943 года мы стали получать повестки из военкомата о призыве в Красную Армию. Я эту повестку получил 14 января.

До сих пор помню плачь родителей, когда они узнали об этом. В доме собрались родственники и устроили проводы, собрали в мешок сухари, шерстяные носки, перчатки и лапти, в которые мать незаметно положила бумажку с молитвой. Удрученное состояние моих проводов усугублялось еще и тем, что почти каждый день кто-то из жителей села получал похоронку о гибели сына или отца. В эти же дни моя старшая сестра получила похоронку на мужа, Балькова Николая Игнатьевича, через некоторое время похоронку на мужа, Парчайкина Григория, получила другая сестра Настя. Затем пришло известие о том, что мой двоюродный брат, Цыганкин Егор Ильич, пропал без вести и до сих пор о его судьбе ничего неизвестно.

На второй день отец запряг лошадь в сани-розвальни, одел меня в тулуп и повез в Красную Армию – в Чамзинский военкомат. Мы опоздали. Группа призывников была уже отправлена в Рузаевку. Нас временно отпустили обратно в Мокшалай. Через месяц, 15 февраля, снова проводы, снова плачь родителей, снова дорога и Чамзинский военкомат. Оттуда вечером на поезде повезли в Рузаевку.

Поднимаясь со станции в сторону рузаевского военкомата, я вдруг ощутил, что мой мешок за плечами опустел. Я оглянулся, а рузаевская шпана уже подбирает еду, остались только лапти.

Из рузаевского военкомата нас, призывников, примерно 20 человек, во главе с капитаном, привезли на поезде в Саранск на сборный пункт, который располагался в

одноэтажном деревянном длинном здании на углу улицы Московской и Республиканской, где в настоящее время расположен республиканский военный комиссариат. Внутри этого здания были двухъярусные нары, мне досталось место наверху.

Объявили отбой, утром встал - нет моих валенок с галошами, а лапти опять не тронули. Два дня ходил я в лаптях, и ребята начали называть меня - мордвин в лаптях. Срочно связался с сестрой, которая училась в медицинском училище в городе Саранске, и попросил, чтобы отец привез мне валенки. Через день я снова ходил в валенках.

Отсюда мы были отправлены в город Лобня Московской области, куда были мобилизованы молодые люди моего возраста, в основном 1925 года рождения, имевшие среднее образование или обучавшиеся в 10 или 9 классах.

В Лобне, после бани, нас одели в зимнее обмундирование, через день погрузили в эшелон и отправили в город Красный под Смоленском. Через 2-3 дня наш эшелон отправили обратно в сторону Москвы, и снова мы оказались в Лобне.

Как нам потом стало известно, был приказ, по которому без обучения военному делу молодые солдаты (17-18 лет) никакой пользы фронту не принесут. В Лобне весь наш эшелон построили на плацу около казарм и офицеры из разных военных училищ стали набирать себе курсантов. Меня один капитан выбрал в школу артиллерийской инструментальной разведки.

Школа звукометрии располагалась на окраине города Бронницы в трехэтажном деревянном здании, недалеко от речки Бронница. Недалеко от расположения нашей части в бараках были размещены пленные итальянцы. Пленные могли свободно разгуливать вдоль речки, стирать свои белье и сушить его на солнце.

В марте 1943 года стал курсантом школы младших командиров артиллерийской инструментальной разведки (город Ногинск, затем город Бронницы).

Курсанты топографы и метеорологи размещались в главном корпусе в центре города, где была столовая. Звукометристы жили в другом здании, поэтому в отдельных бочонках привозили завтраки, обеды и ужины из столовой к себе в корпус.

С августа и до начала ноября вся школа была переведена в город Ногинск. Причины переезда в этот город мне до сих пор не известны. Во время пребывания в Ногинске мне хорошо запомнился процесс засолки квашеной капусты в огромных бетонированных емкостях.

Привозили капусту, очищали, размельчали и сваливали в эти емкости. Мы, группа курсантов, надевали бахилы, спускались в эти емкости и трамбовали содержимое. Так происходила заготовка капусты на зиму.

После окончания школы все мы были отправлены в Саранск, где формировался отдельный разведывательный артиллерийский дивизион – звукометристы, топографы и метеорологи.

В конце декабря 1943 года из Красных казарм города Саранска по улице Московской в 6 часов утра мы, в составе звукометрической батареи 9-го запасного разведывательного полка, отправились на железнодорожную станцию города Саранска для отправки на Западный фронт. До сих пор мне не забыть шум шагов солдат, которые отдавались утренним эхом по улице.

На станции мы услышали, что один из вагонов загружен солью. Соль в то время была огромной ценностью, и мы, конечно, пустили в ход котелки, и после нескольких заходов в углу каждого из вагонов образовались кучи соли. До Смоленска, на каждой из остановок, мы обменивали соль на пирожки, хлеб, соленые огурцы и вареную картошку.

Через 10-12 дней мы оказались в районе Смоленска в небольшом городке под названием Красный. В Красном наша батарея получила 7 машин ГАЗ-АА (полуторка). Замечательная машина. Она ни разу не подвела нас в течение всего боевого пути батареи. На этих машинах мы выдвинулись под Оршу, на один из оборонительных участков наших частей.

Прибыв туда в январе 1944 года, наша батарея, вместе с другими батареями дивизиона, вошла в состав 570-го корпусного артиллерийского полка. В то время Витебск и Орша немецко-фашистскими войсками были превращены в укрепленные узлы обороны. Как нам об этом тогда говорил заместитель командира по политчасти, на этом направлении немцами был создан оборонительный рубеж глубиной 20-45

километров. Немцы дали этому оборонительному рубежу условное название «Пантера».

Место дислокации нашей батареи - открытое зимнее поле. Здесь командир батареи капитан Мороз вместе с начальниками звукометрических постов провели рекогносцировку местности с целью определения места расположения звукометрических постов и предупредительного пункта.

Определив такое место, командир батареи приказал развернуть звукометрические базы, центральный пост и предупредительный пункт. Мы расположили звукометрические посты, оборудованные звукоприемниками, полукругом, каждый пост на расстоянии 600-700 метров от другого. Таким образом, все шесть постов образовывали полукруг протяженностью около 5 километров.

Каждый звукометрический пост находился в «землянке», где должны были размещаться 3-4 человека. Звукометрические посты размещались на расстоянии 4-5 км от переднего края линии фронта, а пост предупреждения был выдвинут к переднему краю. От поста предупреждения до центральной станции была проложена двухпроводная линия связи. Боец должен был заметить вспышки от оружейных залпов вражеских орудий и тут же нажать кнопку на своем приборе, который являлся основным компонентом для предупредительного поста, и тем самым запустить механизм регистрирующего прибора (осциллографа), который находился на центральном посту.

В состав центрального поста входили три дешифровщика, три вычислителя, дежурный офицер, начальник штаба и командир батареи. Кроме прямых обязанностей вычислителя и дешифровщика, они всегда должны были быть готовы пройти вдоль линии связи, в случае повреждения провода, найти обрыв и исправить.

Каждый из звукометрических постов соединялся проводной связью с регистрирующим прибором, в котором на ленте отображались колебания акустических волн от выстрела, преобразованные в электрические сигналы. Состав звукометрических постов состоял из 4 младших сержанта.

Погрешность засечки орудий противника обычно составляла 10-15 метров. Не всегда удавалось нашим

артиллеристам подавить вражеские орудия, которые мы засекли. Мы сравнивали результаты работы артиллеристов по шаблонам лент ранее засеченных целей. Если новая лента показывала те же колебания волн, которые были ранее уже засечены, то это означало, что вражеское орудие не было уничтожено. Таких случаев было мало, обычно по нашим данным артиллеристы всей мощью батареи тут же уничтожали цель.

Под Оршей наши войска в обороне находились около 5 месяцев. За это время наша батарея засекла много огневых позиций вражеских орудий, которые в последующее время на поле боя не были обнаружены, как об этом можно было судить по результатам сравнения шаблонов лент.

Часто, при артиллерийских налетах на наши позиции, нарушалась связь между звукометрическими постами и центральной станцией. В этих случаях, по приказу дежурного офицера, вычислитель или дешифровщик взваливал на себя катушку, брал в руки провод и, по-пластунски, ощупывая каждый метр, искал место, где случился обрыв линии связи.

Я был вычислителем-дешифровщиком. Вместе с товарищами мы начали устраивать центральную станцию, где главным объектом являлся ленточный осциллограф, а также находился штаб батареи. Вырыли и оборудовали землянку 3x4 метра с накатами для центральной станции и штаба, землянку для звукометристов, вычислителей, телефонистов и землянку для офицеров, соорудили места укрытия для машин.

В первый же день наша батарея потеряла три человека. Нас отправили срубить высокое дерево, находящееся на возвышенности, в 600-700 метрах от нашего места расположения. Командир батареи приказал срубить данное дерево для наката землянок, этот приказ должны были выполнить я и три младших сержанта.

Так получилось, что я шел в небольшом отдалении от группы. Как только группа подошла к дереву, раздался залп с немецкой стороны. Как потом мы выяснили, это дерево являлось репером для немецких артиллерийских батарей. Репер - это точка на местности, используемая для пристрелки артиллерийских орудий. Репера использовались для переноса огня на реальные цели без их предварительной пристрелки.

Нам по-прежнему необходимо было достать бревна для наката. В трех километрах от расположения батареи виднелся лес, туда на двух машинах мы отправились для того, чтобы привезти подходящие деревья. Когда мы ехали туда, со всех сторон были слышны разрывы немецких снарядов. Мы спилили деревья, погрузили их на машины и доставили к месту расположения.

В феврале 1944 года нас направили на 3-й Белорусский фронт в 680-й артиллерийский полк.

Недалеко от нашего полка находилась тыловая часть нашей дивизии. Там были пекарня, прачечная, различного рода мастерские (сапожные и портняжные), склады горючего, оборудования и обмундирования.

В один из февральских дней я и еще три человека из нашей батареи были командированы на 15 дней в распоряжение командира тыловой части. Я был направлен в сапожную мастерскую, мой товарищ Ковалевский работал в хлебопекарне, а Рябцев занимался заготовкой дров.

Зайдя в сапожную мастерскую, я увидел огромную гору солдатских изношенных ботинок и сапог. Ко мне подошел старший из сапожников и говорит: «Садись сюда и отбирай, какой сапог или ботинок изрядно изношен и не подлежит ремонту, а какой на твой взгляд подлежит ремонту. И разложи всю обувь на две кучки». Эту работу я выполнял около 5 дней. Не подлежащую ремонту обувь через некоторое время отвезли в лес и сожгли.

На этом мое сапожное дело не завершилось. Старший, впоследствии я узнал, что его зовут Иван Антонович, мне сказал: «Я вижу, ты смысленный малый, я тебя научу сапожному делу». Мое обучение продолжалось около 10 дней, и в итоге я научился некоторым хитростям сапожного дела, которые мне оченьгодились в жизни.

Мой товарищ Ковалевский, который работал подсобным рабочим в пекарне, иногда выбрасывал через окно на снег буханочку хлеба. Хлеб был настолько горяч, что снег, на который он падал, подтаивал. Я незаметно подбирался к пекарне и забирал этот хлеб.

К концу февраля наше пребывание в тыловой части закончилось, снова начались будни звукометрической разведки - дежурства в качестве вычислителя на центральной

станции. Мы по 8 часов дежурили на центральном посту, в течение которых мы, вычислители и дешифровщики, постоянно находились в ожидании - когда заработает осциллограф. Дежурили посменно. Всего было три смены. После дежурства я шел в свою землянку спать на нарах.

Для отопления землянки мы установили «буржуйки», в виде железных бочек с выведенными наверх трубами. Дверьми нам служили армейские палатки, а для их утепления использовали армейские одеяла. Для освещения брали гильзы от снарядов 45-мм пушки, края гильзы прижимали друг к другу, протискивали внутрь отрезок ленты из ткани, наливали керосин, зажигали торчащий из гильзы конец ленты. Вместо кроватей делали земляную насыпь, на которую стелили шинели или еловые ветви, а при наличии солому. Следует особо сказать, что так мы оборудовали землянки, когда длительное время стояли в обороне.

Довольно часто мы питались только сухими пайками. Сухой паек состоял из сухарей, 100 грамм водки и мясных консервов. Но в основном была полевая кухня. Мои однополчане, которые курили, страдали от недостатка махорки. Те 100 грамм водки, которые им было положено, они старались поменять на махорку. Часто я свою порцию махорки менял на 100 грамм.

В один из апрельских дней 1944 года ранним утром я услышал голос командира взвода: «Цыганкин, на линию!» Это значило, что надо быстро взять провод в руки и бежать на устранение разрыва. Пробежав более 1,5 километров, я обнаружил разрыв провода. Другого конца провода не оказалось, пришлось пойти по кругу разрыва, внимательно осматривая землю. Найдя его, я устранил разрыв, используя провод с катушки.

Закончив работу и уже направляясь назад, я услышал свист снаряда, который разорвался примерно в 20 метрах меня. Один из осколков этого снаряда попал в катушку связи, которая находилась у меня на боку, и застрял в проводах.

Как только весной 1944 года снег начал сходить, стали видны осколки, которые прежде скрывал снежный покров. Земля была засеяна осколками так густо, что трудно было сделать шаг, не наступив на осколок.

Однажды я шел на устранение разрыва линии между центральной станцией и предупредительным пунктом. С предупредительного пункта навстречу мне бежал мой товарищ Денисенко, мы вместе устранили разрыв. В это время все было спокойно. Денисенко отправился обратно на пост, а я - на центральную станцию. И тут, со свистом и скрежетом, недалеко от меня разорвался снаряд. Я даже не успел упасть на землю, в мою пилотку ударило осколком, и она слетела с головы. Это был второй случай, когда я был на волоске от гибели.

За эти долгие месяцы в обороне наша батарея несла ощутимые потери. Казалось, конца этому не будет, но мы жили надеждой, что вот-вот начнется наступление наших войск. И вот долгожданный день наступил - 23 июня 1944 года. Весь фронт под Оршей и Витебском пришел в движение.

Неописуемый рев артиллерийских пушек, удары гаубиц и своеобразные звуки, издаваемые дивизионами гвардейских «катюш». Небо гудело – это свое победное дело делали бомбардировщики, штурмовики, пронзительно взывали в небе Яки и ЛаГГи. Эта военная симфония продолжалась в течение нескольких часов. После этого началось движение наших войск, несмотря на огромное сопротивление врага.

В июне-июле 1944 года я участвовал в освобождении городов Орша, Минск, Борисов, Витебск, в форсировании реки Неман, в боях в Августовском лесу (Польша).

Наша батарея артиллерийской инструментальной разведки была в составе 570-го корпусного артиллерийского полка Резерва Главного Командования, который, в свою очередь, входил в состав 11-й гвардейской армии (командующий К.Н. Галицкий).

В середине декабря 1944 года мы вышли на государственную границу с Восточной Пруссией.

Закончил воевать под Кёнигсбергом.

С января 1946 по апрель 1948 года служил в войсковой части № 62204 Белорусского военного округа (город Постава), а с апреля 1948 по июнь 1950 года – в войсковой части № 16447, дислоцировавшейся в городе Галле (Германия).

В июне 1950 года демобилизовался из рядов Советской Армии.

Награждён медалями «За отвагу» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 года), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года), «За взятие Кёнигсберга» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года).

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Жидкова Ирина Андреевна**, студентка 2-го курса Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева*